

**ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ
МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Рассматриваются вопросы эволюционного развития методологии экономической науки в аспекте отхода от равновесных моделей классического и неоклассического периода и их рационалистической парадигмы. В частности, более подробному анализу подвергается ряд рыночных «несовершенств» и их отражение в основных аспектах проблемы обеспечения доступности жилья, как никогда обострившейся в пореформенной России.

Ключевые слова: методология экономической науки, эволюция экономических систем, синергетика, «несовершенства» рынка, идеология в экономике, доступность жилья.

G. V. Khomkalov
O. V. Grushina

**PROBLEMS OF HOUSING AVAILABILITY
IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY DEVELOPMENTS
IN ECONOMIC SCIENCE METHODOLOGY**

The article studies issues of evolution of economic science methodology apart from the equilibrium models of the classic and neo-classic periods and their rationalist paradigm. The authors particularly analyze in greater details some market drawbacks and their demonstrations in key aspects of the issue of housing availability, which has become as vital in the post-reform Russia as never before.

Keywords: economic science methodology, evolution of economic systems, synergy, market drawbacks, ideology in economics, housing availability.

Анализ состояния экономической науки на рубеже веков привел к серьезным разногласиям и спорам относительно прогнозов ее будущего развития. По словам О. Ананьина, вырос уровень методологической рефлексии, и рубеж веков стал формальным поводом к горячему обсуждению изменений методологических подходов и парадигмальных установок эпохи теории общего экономического равновесия (ТОЭР) Л. Вальраса, по которой суть экономических явлений в процессе их изучения обязательно сводилась к «трем Р»: «рациональность — рынок — равновесие».

В такой экономике рациональные субъекты стремятся к максимизации индивидуальной выгоды и в процессе этого достижения принимают рациональные решения на рынке спроса и предложения продуктов. В результате множество таких решений автоматически приводит экономическую систему в равновесие как единственно «правильное» и «нормальное» состояние. Описание такого состояния вполне исчерпывается линейными функциональными зависимостями...

Сейчас мы переживаем интересное время: время смены парадигмы экономической науки. Оно должно ознаменоваться глубинным разрывом с вальрасианской традицией.

Научная среда уже давно возвращает альтернативные направления (см., напр., работы Леонарда, Боулса, Гинтиса, Коландера, Бланшара и др.), уже складывается ядро новой парадигмы, однако ее еще не решается принять научное сообщество, по нашему мнению ожидающее неких синергетических событий в мировой экономической действительности, траектория развития которой приобретает все более бифуркационный характер.

Согласно Куну (как его интерпретирует Ананьин), научные парадигмы не отступают под напором критики, но они мгновенно уходят при формировании должной замены. То есть новые теории должны незаметно созреть в недрах традиции до состояния возможности самостоятельного существования для анализа и осмысления экономической действительности.

Мы можем определить четыре основных направления вызревания новых парадигмальных позиций в экономической теории:

1. Макроэкономический анализ рыночного равновесия при сопоставлении с объективной действительностью выявлял чрезмерную абстрактность положений, нереалистичность предпосылок и непроверяемость выводов ТОЭР. Тогда в качестве мягкого варианта критики и постепенно отхода явились теории и описания многочисленных «*несовершенств*» рынка. Эти «несовершенства» еще не стали приговором ТОЭР, но сделались удобным предлогом для ухода от общеравновесного универсального подхода в сторону реальных типичных проблем экономической действительности, возникающих в определенных, нестандартных, с точки зрения Вальраса, ситуациях и не вписывающихся в рамки ТОЭР.

2. Бурное развитие во второй половине XX в. информационных технологий и возможностей вычислительной техники позволило пересмотреть и значительно расширить математический аппарат, применяемый в экономической теории.

На сегодняшний день место линейных динамических моделей занимают дискретная и нелинейная математика, стохастические процессы, теория игр. Более того, уже сейчас будущее экономической науки связывается с алгоритмами анализа сложных систем и *методами синергетики*. «Здесь вальрасианской статике противостоят эволюционные и синергетические подходы, моделирующие необратимые процессы со сложной нелинейной динамикой и альтернативными траекториями развития в точках бифуркаций» [1, с. 263].

3. Линейная траектория развития ТОЭР, не учитывающая ни инновационно-технологические сдвиги, ни политические решения, ни структурные сдвиги, уступает место «просчету и сопоставлению возможных траекторий развития и вероятных последствий институциональных и структурных реформ» [там же].

Здесь теоретико-игровой подход фон Неймана и Моргенштерна соперничает с получившим большее развитие институциональным подходом С. Боулса и Г. Гинтиса, Р. Коуза и О. Уильямсона.

Институты как структурные варианты социальной организации позволяют объяснить практически все прошлые затруднения экономической теории — от «несовершенств» рынка до структурных экономических скачков развития и их социокультурных предпосылок.

4. Дальнейшее выявление «несовершенств» рынка, некоторые из которых уже стали характеризоваться как «провалы» (market failures), обострило вопросы расширения государственного вмешательства в экономику и проблемы необходимости ввода идеологической составляющей в развитие национальных экономик. Идеологическая пустота классических трактовок все ярче проявляла и проявляет свою ущербность. Одной из основных тем научных дискуссий вокруг проблем такого рода стали так называемые QWERTY-эффекты, или, иначе, «зависимость от пути развития». Как поясняет А. Полетаев, «здесь мы имеем частный случай более общей проблемы взаимосвязи теории и эмпирических данных, которая уже давно обсуждается в работах по философии и методологии науки, в том числе экономической (см., напр.: [8; 9; 12]). Как выясняется, традиционное представление о том, что теория должна рождаться из эмпирических наблюдений, а затем подтверждаться путем эмпирической проверки, оказывается неверным. Значительная часть ученых (и экономистов, в частности) использует эмпирические данные не для формулирования и проверки гипотез, а лишь для иллюстрации или подтверждения своих априорных моделей. В итоге научные теории не опровергаются и не подтверждаются эмпирическими данными, и их признание и бытование в большинстве случаев определяются иными факторами» [10, с. 137].

Попытаемся раскрыть эти четыре направления подробнее и рассмотреть их связь с целями нашего исследования.

«Несовершенства» рынка. Как отмечает О. Бланшар, современные макроэкономические исследования сосредоточены на изучении последствий и выявлении максимально полного набора «несовершенств» рынка, все новые аспекты которых выявляются в последнее время.

Общепринятый язык макроэкономистов под «несовершенствами» понимает отклонения от стандартной модели совершенной конкуренции [2, с. 351]. Таким образом, исследования в этой области строятся по принципу «анализа последствий ослабления одного или нескольких предположений данной модели».

Несовершенства рынка обычно порождают шоки, все чаще потрясающие экономики национальных государств по разным направлениям. Основные из них возникают на рынке труда, товаров или кредитов.

Несовершенства рынков труда. «Несовершенства меняют характеристики равновесия с точки зрения эффективности и благосостояния. Таким образом, они заставляют нас пересмотреть подходы к анализу колебаний и роли макроэкономической политики. Например, это касается вопроса о том, является ли равновесный уровень безработицы слишком высоким или слишком низким, и какой в этой связи должна быть макроэкономическая политика» [там же, с. 362].

Нерешенными в этой области остаются проблемы динамического взаимодействия заработной платы и рынка труда, где эмпирические данные никак не соответствуют по скорости движения заработной платы теоретическим моделям. Подробное обоснование детерминант безработицы и менее проработанная теория эффективной заработной платы, ищущая связь заработной платы с производительностью труда, а также другие разработки в важное «несовершенство», особенно актуализированное в последние десятилетия в развитых и переходных экономиках, — степень значимости для производителя конкуренции между издержками на оплату труда и оплату капитала. Мы считаем, что данное несовершенс-

тво в том числе влияет на степень доступности жилья в конкретной стране, определяемую уровнем благосостояния граждан.

Несовершенства товарных рынков проявляются, например, в возрастающей отдаче или в контрциклическом характере надбавок.

«Если возрастающая отдача от масштаба может компенсировать фиксацию некоторых факторов производства в краткосрочном периоде, то краткосрочные предельные издержки могут быть постоянными или даже снижаться с ростом выпуска. Фирмы могут быть готовы поставить на рынок больше товаров при примерно тех же ценах» [2, с. 371].

В экономике этот эффект порождает не одно, а множество равновесий: низкоэффективное с низким выпуском и высокоэффективное с высоким выпуском.

Контрциклическая динамика надбавок, в свою очередь, основана на значительной разнице между ценой и предельными издержками. Этот эффект легко объясняется желанием и возможностями фирм увеличивать выпуск (предложение товаров) при неизменных ценах, что противоречит классической трактовке поведения кривых спроса и предложения. «В данном случае это объясняется не более высокой производительностью, а снижением искажений (разрыва между ценой и предельными издержками). Было предложено несколько моделей надбавок, основанных на несовершенной конкуренции. Некоторые из них действительно предсказывают их контрциклическую динамику наценки, другие, напротив, — проциклическую» [14, р. 1003–1033].

Нечто подобное происходит и у нас в отрасли жилищного строительства, когда увеличение предложения в результате ввода ипотеки несколько не понизило цену 1 м^2 , а даже наоборот. По сути, на жилищном рынке РФ сложилось «низкоэффективное равновесие с низким выпуском»¹, обусловленное значительным разрывом между ценой и предельными (переменными на 1 м^2) издержками. Это характерный показатель монополистической конкуренции, которая сопровождается эффектом *реальной жесткости* — низкой чувствительностью относительных цен к сдвигам спроса. Когда цены изначально завышены, этот эффект более чем реален при незначительных сдвигах спроса. А значительных сдвигов не предвидится, так как платежеспособный спрос на жилье по установившимся ценам весьма ограничен.

Несовершенства финансовых и кредитных рынков. Основными «несовершенствами» кредитных рынков О. Бланшар называет проблемы исследования, связанные с асимметричностью информации; финансовых рынков — с ожиданиями и другими психологическими эффектами (вспомним хотя бы теорию рефлексивности Дж. Сороса).

Мы не согласны с утверждением Бланшара о том, что кредитный механизм, вероятно, играл центральную роль в прошлом, особенно во времена Великой депрессии. Но в силу изменений, произошедших в финансовой системе, его значимость в настоящее время невелика. Кризис 2008 г. уже доказал, что это не так. Это несовершенство можно назвать «асимметричностью перераспределения мирового капитала». Если сократить поток капитала на оплату труда, то, разумеется, увеличится потребность в кредитных ресурсах. Если кредиты доступны, то идет вторая волна перерас-

¹ «На данный момент возможность существования множества равновесий, обусловленная возрастающей отдачей или контрциклической динамикой надбавок, остается интригующей, но недоказанной гипотезой» [2, с. 373].

пределения капитала: рост числа кредитов увеличивает доходы банков за счет «виртуальных денег» (эффект мультипликатора), а оплата труда еще более снижается за счет необходимости выплачивать проценты.

Теория ожиданий на финансовых рынках легко подготавливается с помощью все той же асимметричности информации: когда большой объем информации находится в руках небольшой группы людей, то можно инициировать любые ожидания. Это полная антитеза эффективному рынку Модильяни — Миллера и абсолютной рациональности инвесторов.

Деятельность финансовых посредников, которая в теории должна смягчить асимметричность информации, на самом деле увеличивает переток капиталов для обеспечения доходности данных агентств рынка (в чистом виде спекулятивный капитал), и именно деятельность финансовых посредников обеспечивает «надувание» финансовых «пузырей» как хранилище избыточных капиталов мировой финансово-экономической системы.

Проведя краткий анализ основных видов несовершенств рынка, можно сделать вывод, что они представляют собой рычаги централизованного воздействия на мировую экономическую систему, причем эта централизация не принадлежит правительству ни одного из государств. Недаром в развитие макроэкономики будущего включается задача создания «интегрированной макроэкономической модели, основанной на нескольких центральных несовершенствах» [2, с. 375].

Однако до сих пор с макроэкономической точки зрения основным способом преодоления несовершенств рынка считается создание различного рода *институтов*.

Институты и институционализм. По словам Н. Макашевой, «сегодня институционализм — это наше экономико-теоретическое все» (!).

Посмотрим, так ли это. Исторически институционализм связан с именами Торстейна Веблена и Джона Коммонса, он идейно стоит на пересечении исторической школы, социологических и социальных аспектов экономики. Традиционно считается, что институционализм вышел из идеи такой трактовки состояния любой экономики, как характеристики ее технологии и институтов.

«Современная палитра этой традиции достаточно многоцветна: в ряде аспектов она имеет точки пересечения с эволюционной экономикой, в других — с экономической социологией и компаративистикой, и в этом качестве часто предстает в виде институциональной политической экономии, тематическая область которой практически неограниченна: от систем производства и распределения до морали. Методологически это направление тяготеет к холизму, прагматизму и эволюционному подходу. И в этом отношении, а также, судя по полученным результатам, противостоит ортодоксии, т.е. тому, что традиционно связывается с неоклассикой» [6, с. 420].

В самом общем виде институционализм отражает влияние норм и правил, действующих в обществе, на организацию экономики в государстве. В такой трактовке институционализм должен вобрать в себя влияющие на экономическое строительство аспекты традиции и мировоззрения, морали и права, идеологии и религии, особенно важные для нашего исследования. Однако, как и основной мейнстрим экономики, институционализм пошел по пути рационального выхолащивания.

«Основополагающие принципы нового институционализма — это методологический индивидуализм и рациональность экономических агентов, что и определяет его родство с ортодоксией» [там же, с. 421].

Экономические учебники включают сегодня в новый институционализм контрактную теорию, рассматривающую организации как пучки контрактных отношений; экономическую теорию прав собственности, анализирующую издержки, связанные с определением таких прав; и наиболее модную сейчас трансакционную экономику, изучающую трансакционные издержки, обслуживающие сделки.

Последняя трактовка заметно сужает рамки институционализма. Хотя изначально рамки его таковы, что могут вместить все, что угодно.

«Если ортодоксальные экономисты склонны отождествлять экономику исключительно с рынком, то институциональные экономисты утверждают, что рынок сам по себе является институтом, состоящим из большого числа вспомогательных институтов, взаимодействующих с другими институциональными структурами общества» [15, р. 865].

Можно сказать, что институционализм нашел новый кирпичик (базовую единицу), из множества которых можно сложить общество или объяснить его устройство. В этом смысле институционализм универсален. Однако научное сообщество не признает существования «институциональной парадигмы» (а мы знаем, что научные парадигмы поддерживаются научным сообществом, а не научными теориями, именно из-за его слишком большой всеохватности и модного стремления объяснить с точки зрения институционализма разнохарактерные проблемы — от правовых до социальных).

Мы не можем до конца согласиться с утверждением Н. Макашевой, что «объединение под знаменем институционализма подтверждает успешное выполнение первой задачи в рамках перехода к новой парадигме. Речь идет об отказе от марксизма. Что касается второй части — поскольку подразумевалась некоторая новая картина социально-экономической реальности взамен старой, марксистской, то очевидно, что и эта цель достигнута» [6, с. 422].

Достигнута ли «новая картина социально-экономической реальности»? С точки зрения нового технического представления ее составных частей и их взаимосвязи — однозначно да. Но марксизм всегда был идеологичен по сути и претендовал на решение проблем социального неравенства. В настоящее время, по меткому выражению О. Бланшара, «фронт макроэкономических исследований на удивление свободен от идеологии». Это означает, что в принципе под институционализм можно подвести любую идеологию. «В рамках институционализма нашли себе место и “славянофилы”, и “западники”, и приверженцы эмпирического подхода, и “чистые” теоретики, и либералы, и социалисты, и математики, и “нарративисты»» [там же, с. 419].

Идеологию, по мнению У. Сэмюелса [11, с. 667], можно описать как особый фильтр, отбирающий идеи и направляющий их эволюцию как ключевое направление мысли, ориентирующее направление исследований.

Если рассуждать в таком контексте над проблемой доступности жилья в нашей стране, то остается с позиций вальрасианской экономической теории просто развести руками и признать: увы, равновесие на рынке жилья установилось в точке высоких цен и ограниченного предложения. Ничего с эти не поделаешь: homo economicus не интересуется нравственно-этические проблемы. Издержки жилищного строительства очень выгодны: среди них немалую долю занимает стоимость капитала (процент) и «чиновничья рента» — откаты. Homo economicus не сможет

их снизить — с точки зрения рационально-эгоистических мотивов действия владельцев капитала и чиновников полностью оправданны.

Если же рассуждать над проблемой доступности жилья с точки зрения заботы и справедливости (категорий нравственных) и с точки зрения развития и усиления человеческого капитала (категорий политических), то данная проблема уже окажется неразрешимой без идеологического обоснования властно-политической поддержки.

И как ни странно, такое решение проблемы будет вполне в духе времени: все больше научных дисциплин и научных сообществ в начале XXI в. приобретают черты «постнормальности» [4, с. 318–327]. Признаками «постнормальности» принято считать, по одной из версий, что «политика и идеология воздействуют на науку, ее предметную область и метод исследования и, что не менее важно, в определенной степени формируют научное сообщество, которое направляет процесс производства экономического знания и его рост» [6, с. 402].

«Чистая» экономическая теория, так упорно лоббируемая всю вторую половину XX в. (мы полагаем, что это было не только эффектом наивной веры в «невидимую руку» рынка, но и желанием скрыть идеологическую и политическую подоплеку строительства мировой финансово-экономической системы), в последнее время подвергается все большим критическим атакам с разных сторон.

Как считают С. Боулс и Г. Гинтис, на экономический результат значительное влияние могут оказывать не только эгоистические мотивы homo economicus, но и социальные нормы, нравственные привычки и психологические склонности. Кроме того, нередко результат работы рынка во многом определяется воздействием власти в политическом смысле осуществления стратегических интересов [3]. Отсюда уже большинством экономистов в наше время сделан вывод, что экономика должна быть поведенческой и институциональной. Мы бы добавили — более политической и идеологической, потому как это миф, что человек может жить вне идеологии: если в государстве нет своей политики и идеологии, то оно будет существовать под эгидой чужих политики и идеологии. Если вслед за Д. Юмом полагать, что «в процессе разработки любой государственной системы... должно предполагаться, что каждый является мошенником и во всех действиях следует только своему личному интересу» [13, р. 117], то экономическое устройство государства будет пестовать именно эти качества и внутренней логикой экономическая система будет продвигать людей, наиболее ярко воплощающих в себе вышеуказанные качества (что мы и наблюдаем в сегодняшней российской действительности).

Но как еще в 1890 г. писал Маршалл, «характер человека формируется в процессе его повседневного труда и под воздействием создаваемых в этом процессе материальных ресурсов, причем в гораздо большей степени, чем под влиянием любых других факторов, исключая религиозные идеалы» (цит. по: [7]). Забытые заповеди христианской Европы и Америки и тем более православной, а затем советской России все чаще сталкиваются с гипертрофированным переразвитием качеств классической экономики, названных Юмом.

И вот уже основательно расставшиеся с религиозным мировоззрением экономисты с удивлением замечают: «По-видимому, забота о других людях, как и об экономически результативных процессах, — что иногда называют этическими нормами — является важным источником формирования поведения. Поведение достаточно часто определяется внешними

условиями. Отсюда следует, что, поскольку экономические институты формируют структуру социального взаимодействия, они также различаются тем, к какому поведению они могут побуждать в различных ситуациях» [3, с. 313]. И еще: «В результате исследования как простых, так и развитых обществ были получены примеры того, какое влияние оказывает способ, которым взрослые зарабатывают на жизнь, на принципы воспитания детей, ценности и характер людей» [там же].

А способ зарабатывания как раз зависит от тех мировоззренческих позиций, «этических правил» или заповедей, которые сформированы у родителей обществом, государственным устройством и его институтами.

Боулс и Гингис отмечают, что современные экономисты меняют классическую точку зрения о том, как политические действия и институты могут воспользоваться эгоистичными и меркантильными мотивами людей, на точку зрения, что можно создавать такие институты и так формировать политику, чтобы пробудить у населения мотивы заботы и беспокойства о других и сформировать поведение общественно-желательного, а не эгоистично-рационального образа. (Собственно, такой институт давно создан — это Церковь, кодекс неэгоистичного поведения — это Евангелие или, например, кодекс коммуниста, оттуда же и списанный.)

Как видно из вышесказанного, институционализм на современном этапе неизбежно смыкается с идеологическими и социальными проблемами, направленными на то, чтобы с помощью воздействия государственной власти и создания особых институциональных структур воспитать изнутри (эндогенно) в человеке предпочтения неэгоистического толка во имя решения общественных задач и преодоления «несовершенств» рынка. К таким общественным задачам традиционно относят защиту окружающей среды, борьбу с преступностью, повышение уровня образования, уменьшение дискриминации, рост благосостояния, зависимость от социального обеспечения.

Мы полагаем, что проблема доступности жилья, т.е. формирование государственного экономического механизма обеспечения всех граждан крышей над головой, из их же числа. В РФ эта проблема явно относится к «провалам» рынка (market failures), и для ее решения модели, основанные на homo economicus, являются «ограниченными и вводящими в заблуждение» (см. подробнее: [5]).

Прежде чем сделать предварительные выводы, обратимся к четвертому обозначенному выше методологическому направлению современной экономической науки — зависимости от пути развития (QWERTY-эффекту).

Зависимость от пути развития. «Динамический процесс, развитие которого обусловлено его собственной историей, называется *зависящим от пути развития*» (П. Дэвид).

Данный распространяющийся в последнее время подход с легкостью как характеризует эволюционные биологические и физические процессы, так и претендует на прояснение законов социальной динамики. Методологическая схема, действующая в данном подходе, довольно проста: чтобы понять логику текущего состояния окружающей действительности (или объяснить отсутствие всякой логики), нужно обратиться к тем событиям, которые последовательно привели к данному состоянию.

«Иносказания и физические аналогии, так же как и упрощенные исторические рассказы, на первых шагах очень помогают передать основную идею зависящей от пути развития социальной динамики, т.е. систе-

мы социального взаимодействия, чье движение находится под влиянием условий, которые сами являются случайными последствиями событий и действий в истории»¹. Нам бы хотелось поспорить с таким преувеличением роли случайностей в социально-экономическом развитии общества.

Возможно, история QWERTY² для кого-то является «увлекательной и интригующей», но мы считаем, что совершенно необоснованно идентифицировать случайный выбор технического решения (расположение букв на клавиатуре) из множества похожих, повлекший за собой «квазинеобратимость инвестиций», поддерживающих случайно выбранный стандарт, со случайностью хода социально-экономического развития общества. Как раз последний определяется не случайностями, а движением к цели в результате борьбы противостоящих сил. В основе этой борьбы лежат человеческие страсти, пороки или добродетели, но, самое главное, глубинные мировоззренческие позиции. И *историко-экономический дарвинизм* (как нам хотелось бы назвать концепцию «зависимости от пути развития») для объяснения таких событий будет явно односторонним и ущербным (как и классический дарвинизм ущербен для объяснения происхождения видов³). Особую остроту и полемичность данная концепция приобретает при попытке объяснения исторического выбора экономических событий в «критической точке» — т.е. при *развилке дорог* (П. Дэвид).

«Суть экономического анализа как раз и заключается в выборе человека между “реальными возможностями”, как их назвал философ Уильям Джеймс, и поэтому вопросы “что участники знали?”, “когда они это узнали или пытались узнать?” вызывают вполне понятный интерес» (П. Дэвид). Каковы были реальные возможности для СССР в августе 1991 г.? Что знали непосредственные вершители истории СССР и России? Здесь наблюдался явный эффект «асимметричности информации», когда одна группа людей, даже из тех, кто был у власти (так называемые реформаторы или «чикагские мальчишки»), знала гораздо больше и о целях, и о пути их достижения, и о тех якобы «случайностях», которые выведут на нужный, истинный путь, чем другая группа.

Краткий обзор общетеоретических вопросов современного развития «экономического мейнстрима» позволяет нам сделать следующие касающиеся тематики нашего исследования выводы:

1. Многочисленные рыночные «несовершенства», выявляемые сегодня, представляют собой, с одной стороны, «ненормальные» отклонения от сухого вальрасианского равновесия, а с другой — осознание моментов глубокой социальной несправедливости (за которую всегда критиковали капитализм) и неисполнения идеи роста благосостояния народов. Это стало толчком к развитию так называемой социально ориентированной рыночной экономики (неосмитианства, неомарксизма, социального капитализма), привело к обострению дискуссии о необходимости государственного вмешательства в экономику.

¹ Доклад Пола Дэвида «Path Dependence and Historical Social Science: in Introductory Lecture», представленный на научном симпозиуме «20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития», проходившем в Москве 13 мая 2005 г.

² История стандартизации особого расположения букв в английской клавиатуре пишущих машинок, а затем и компьютеров (см., напр.: Дэвид П. «Кли и экономическая теория QWERTY»).

³ Ч. Дарвин, увы, так и не смог ответить на вопрос, зачем обезьяне мозг философа.

Соединения влияний трех основных несовершенств — рынка труда, товарных рынков и рынков кредита — обострили социальную сторону жилищной проблемы в РФ, что позволяет говорить о необходимости формирования государственной инвестиционной политики в сфере жилищного строительства.

2. Преодоление несовершенств рынка в современном мире производится путем создания особых структур — институтов. Институционализм всеохватен и идеологически безлик, точнее, многолик. Различные институциональные структуры могут поддерживаться разными идеологическими посылками, а значит, по-разному решать одни и те же проблемы «несовершенств».

Ту же проблему жилищного обеспечения можно решать с позиции разных идеологических приоритетов, а следовательно, различны будут институционально-организационные структуры ее решения. Один приоритет — поддержание встроенности РФ в мировую финансово-экономическую систему и максимальное выполнение ее требований. Тогда главным институтом здесь будет являться ипотека. Институт ипотеки обеспечит прибыль владельцам капитала, сделав значительно дороже стоимость 1 м² жилья. Тот, кто не может приобрести квартиру временно или по ипотеке, «мало работает», «плохо устроился», «не ту профессию выбрал» или «нарочал детей». Стратегические профессии, например военные, обеспечиваются государством. Остальные ютятся в пределах советского фонда. Главный результат следования такому приоритету — недоразвитие и даже деградация человеческого капитала в пределах страны.

Другой приоритет можно назвать социально ориентированный, нацеленный на стратегическое развитие человеческого потенциала страны и рост благосостояния народа. С этой точки зрения обеспечение жильем так же необходимо для человека, как базовый уровень образования и обеспечение потребности в пище. Только в этом случае можно развиваться профессионально на благо страны, не боясь в случае ошибок быть затянутым ипотечной удавкой, и растить детей, не опасаясь длительной стесненности условий их развития. Для осуществления данного приоритета в обеспечении жильем должен быть создан специальный институт, которого до сих пор не существует в РФ.

3. Концепция «зависимости от пути развития» как объясняющая современное состояние экономических процессов, зависящее от исторически случайного выбора на «развилке дорог», не выдерживает критики. Все ключевые, эволюционные выборы делаются и подготавливаются абсолютно сознательно и целенаправленно. В этом смысле гораздо ближе к истине математический аппарат, в частности синергетическое объяснение точек бифуркации и выбор определенного эволюционного пути, втянутого в зону действия определенного целевого аттрактора. А в основе этого процесса всегда лежит не случайность, а идея — фрактал мировоззрения как главной движущей силы человеческой деятельности.

Какое мировоззрение побеждает сейчас в сфере экономических исследований? Возвращается ли оно из сегодняшней точки бифуркации на путь, которым начинал идти А. Маршалл?

Список использованной литературы

1. Ананьин О. Что происходит с экономической наукой / О. Ананьин // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.:

Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьина и др.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — С. 258–264.

2. Бланшар О. Что мы знаем о макроэкономике, чего не знали Фишер и Виксель? / О. Бланшар // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьина и др.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

3. Боулс С. Вальрасианская экономическая теория в ретроспективе / С. Боулс, Г. Гинтис // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьина и др.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — С. 301–337.

4. Вайнгарт П. Момент истины для науки / П. Вайнгарт // Российская наука и СМИ. — М. — С. 318–327.

5. Грушина О.В. Жилищный вопрос в РФ: решение в рамках новой экономической парадигмы // Мир России. — 2011. — № 2. — С. 125–142.

6. Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации / Н. Макашева // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьина и др.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — С. 400–426.

7. Маршалл А. Принципы экономической науки / А. Маршалл. — Т. 1. — М.: Прогресс-Универс, 1993.

8. Мизес Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции / Л. фон Мизес. — М.: ЮНИТИ, 1957, 2001.

9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Начала, 1990, 1997.

10. Полетаев А. QWERTY-эффекты в экономической истории: дискуссия продолжается / А. Полетаев // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьина и др.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — С. 136–138.

11. Сэмюелс У. Идеология в экономическом анализе / У. Сэмюелс; под ред. С. Вайнтрауба // Современная экономическая мысль. — М., 1981. — С. 667.

12. Хикс Дж. Теория экономической истории / Дж. Хикс. — М.: Журнал «Вопросы экономики», 1969, 2003.

13. Hume D. Essays: Moral, Political and Literary [1754] / D. Hume. — L.: Longmans: Green, 1898.

14. Marshall A. Principles of Economics. — 8th ed. — L.: Macmillan, 1930.

15. Phelps E. Customer Demand and Equilibrium Unemployment in a Working Model of the Incentive-Wage Customer-market Economy / E. Phelps // The Quarterly Journal of Economics. — 1992. — Vol. 107. — P. 1003–1033.

16. Samuels W. Institutional Economics / W. Samuels // The New Palgrave: A. Dictionary of Economics. — Basingstoke, 2004. — Vol. 2. — P. 865.

References

1. Anan'in O. Chto proiskhodit s ekonomicheskoi naukoi / O. Anan'in // Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa / redkol.: Ya.I. Kuz'minov (gl. red.), V.S. Avtonomov (zam. gl. red.), O.I. Anan'ina i dr.; Gos. un-t — Vysshaya shkola ekonomiki. — 2-e izd. — M.: Izd. dom GU VShE, 2007. — S. 258–264.

2. Blanshar O. Chto my znaem o makroekonomike, chego ne znali Fisher i Viksel'? / O. Blanshar // Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa / redkol.: Ya.I. Kuz'minov (gl. red.), V.S. Avtonomov (zam. gl. red.), O.I. Anan'ina i dr.; Gos. un-t — Vysshaya shkola ekonomiki. — 2-e izd. — M.: Izd. dom GU VShE, 2007.

3. Bousls S. Val'rasianskaya ekonomicheskaya teoriya v retrospektive / S. Bousls, G. Gintis // Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa /

redkol.: Ya.I. Kuz'minov (gl. red.), V.S. Avtonomov (zam. gl. red.), O.I. Anan'ina i dr.; Gos. un-t — Vysshaya shkola ekonomiki. — 2-e izd. — M.: Izd. dom GU VShE, 2007. — S. 301–337.

4. Vaingart P. Moment istiny dlya nauki / P. Vaingart // Rossiiskaya nauka i SMI. — M. — S. 318–327.

5. Grushina O.V. Zhilishchnyi vopros v RF: reshenie v ramkakh novoi ekonomicheskoi paradigmy // Mir Rossii. — 2011. — № 2. — S. 125–142.

6. Makasheva N. Ekonomicheskaya nauka v Rossii v period transformatsii / N. Makasheva // Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa / redkol.: Ya.I. Kuz'minov (gl. red.), V.S. Avtonomov (zam. gl. red.), O.I. Anan'ina i dr.; Gos. un-t — Vysshaya shkola ekonomiki. — 2-e izd. — M.: Izd. dom GU VShE, 2007. — S. 400–426.

7. Marshall A. Printsipy ekonomicheskoi nauki / A. Marshall. — T. 1. — M.: Progress-Univers, 1993.

8. Mizes L. fon. Teoriya i istoriya: interpretatsiya sotsial'no-ekonomicheskoi evolyutsii / L. fon Mizes. — M.: YuNITI, 1957, 2001.

9. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki / D. Nort. — M.: Nachala, 1990, 1997.

10. Poletaev A. QWERTY-effekty v ekonomicheskoi istorii: diskussiya prodolzhaetsya / A. Poletaev // Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa / redkol.: Ya.I. Kuz'minov (gl. red.), V.S. Avtonomov (zam. gl. red.), O.I. Anan'ina i dr.; Gos. un-t — Vysshaya shkola ekonomiki. — 2-e izd. — M.: Izd. dom GU VShE, 2007. — S. 136–138.

11. Semyuels U. Ideologiya v ekonomicheskom analize / U. Semyuels; pod red. S. Vaintrauba // Sovremennaya ekonomicheskaya mysl'. — M., 1981. — S. 667.

12. Khiks Dzh. Teoriya ekonomicheskoi istorii / Dzh. Khiks. — M.: Zhurnal «Voprosy ekonomiki», 1969, 2003.

13. Hume D. Essays: Moral, Political and Literary [1754] / D. Hume. — L.: Longmans: Green, 1898.

14. Marshall A. Principles of Economics. — 8th ed. — L.: Macmillan, 1930.

15. Phelps E. Customer Demand and Equilibrium Unemployment in a Working Model of the Incentive-Wage Customer-market Economy / E. Phelps // The Quarterly Journal of Economics. — 1992. — Vol. 107. — P. 1003–1033.

16. Samuels W. Institutional Economics / W. Samuels // The New Palgrave: A. Dictionary of Economics. — Basingstoke, 2004. — Vol. 2. — P. 865.

Информация об авторах

Хомкалов Геннадий Владимирович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления инвестициями и недвижимостью, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: hgv@isea.ru.

Грушина Ольга Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления инвестициями и недвижимостью, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: olga7771972@mail.ru.

Authors

Khomkalov Gennadiy Vladimirovich — Doctor of Economics, Professor, Chairholder, Chair of Investment and Real Estate Economy and Management, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: hgv@isea.ru.

Grushina Olga Valerievna — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Investments and Real Estate Economy and Management, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: olga7771972@mail.ru.